

УДК 821.512.36

ТЕМА СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРОЗЕ С. ЭРДЭНЭ

© Халхарова Лариса Цымжистовна

кандидат филологических наук,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: larihalh@yandex.ru

Статья представляет собой исследование семейных ценностей на материале творчества писателя-бурята Монголии С. Эрдэнэ. Автор утверждает, что в сохранении исторической памяти большую роль играют семья, род, являющиеся носителями и хранителями традиционных духовных ценностей народа. В рассказах С. Эрдэнэ, написанных от первого лица, «Эхэ» (Мать), «Эрэ хүн» (Мужчина), «Амидаралай нургуули» (Школа жизни) выявляются ключевые в художественном мире писателя образы матери — хранительницы очага, культ ребенка, исследуются истоки формирования мужчины, как главы семьи, продолжателя рода. Постоянно присутствующий в рассказах С. Эрдэнэ образ повествователя позволяет прояснить сложную проблематику произведений, придает особый лиризм. Заключается статья выводами о том, что писатель, основываясь на национальных традициях, в своих произведениях утверждает, что семья и дети — высшая ценность в бурят-монгольской традиции.

Ключевые слова: литература бурят Монголии; традиционные ценности; тема семьи; культа ребенка; повествователь.

В сохранении исторической памяти народа большую роль играют семья, род, являющиеся носителями и хранителями традиционных духовных ценностей народа. Одной из важнейших составляющих понятия «счастье» у бурят-монголов были и остаются дети, потомство. Ребенок в бурятской национальной традиции был возведен в своего рода культ любви к нему, не допускающей безответственности родителей. Во многих жанрах бурятского фольклора, а также и литературы можно найти представления народа о богатстве, которое заключается в семье, в детях.

Произведения бурятских поэтов и писателей Монголии насыщены национальными образами и мотивами, связанными с темой рода, культом огня, очага, семейных ценностей. «Тема семьи дает благодатный материал для того, чтобы показать различные аспекты человеческой жизни, раскрыть сопричастность личности миру социума. И в этой связи, семья должна стать тем первичным звеном, которое связывает человека и общество; поэтому семейная составляющая в литературе позволяет, с одной стороны, раскрыть ее психологическую глубину, с другой, ее социальную и историческую сущность, укрепить их синтез» [8, с. 78]. Названия произведений С. Эрдэнэ, Х. Намсарай, С. Дугара — «Эхэ», «Эрэ хүн», «Амидаралай нургуули», «Хун шубуун гарбалтан», «Тоонто нютагни» и др. уже изначально пронизаны национальными мотивами и образами-символами. В этих произведениях «как бы закодирована идея рода-народа и ментального сознания бурята, для которого, как известно, традиционные ценности, связанные с идеями семьи, рода, памяти, преемственности поколений занимали в нравственных законах жизни сакральное значение и место» [9, с. 9].

Сэнгийн Эрдэнэ — известный монгольский писатель бурятского происхождения, журналист, публицист, признанный мастер психологической прозы. Родился в 1929 году в семье бурят-эмигрантов в сомоне Биндэр Хэнтэйского аймака. Отца расстреляли как врага народа во время репрессий 1930-х годов. С. Эрдэнэрос без отца, рано познал все жизненные трудности и лишения. Как бы ни тяжела была жизнь, ему удалось получить высшее образование. В 1954 году он окончил медицинский факультет Монгольского государственного университета.

Литературную деятельность начал с 1949 года созданием лирических стихотворений. Первая книга стихов «Когда едешь по степи» вышла в 1949 году, вторая — «Весенняя лирика» в 1956 году. Заявив о себе, как тонкий, лиричный поэт, С. Эрдэнэ обратился к прозе. Проза С. Эрдэнэ создавалась на основе уже сформированной им поэтической системы, поэтому естественно, что в его прозаических произведениях должны были проявиться характерные для поэзии формы воссоздания действительности, особенности художественного обобщения, изобразительно-выразительные средства. Один за другим вышли несколько сборников его новелл: «Когда приходит весна» (1959), «Год спустя» (1959), «Хонгор зул» (1961), «У самого горизонта» (1962), «Пыль из-под копыт» (1964), «Рассказы» (1966), «Дневная звезда» (1969). В 1965 году писатель был удостоен Государственной премии Монголии.

Кроме новелл и рассказов С. Эрдэнэ также писал и крупные произведения эпического жанра: повести и романы «Год синей мыши» (1970), «Девичье лето» (1978), «Вдали, где голубые горы» (1981), «Круг жизни» (1983) «Занабазар» (1989). Один из последних его романов — «Встретимся в следующей жизни» (1996) посвящен трагической истории бурятской эмиграции в Монголии, о репрессиях 1930-х годов. Спектакль по мотивам этого романа под одноименным названием был поставлен в начале 2000-х годов на сцене Бурятского драматического театра. Монгольский исследователь М. Одмандах определяет жанр этого произведения как трагический роман: «... зохиолч нас ахих тусмаа нутаг орныхоо тухай, туулж өнгөрүүлсэн аж амьдралаа эргэн цэгнэсэн, хойч үедээ өөрийн туулж өнгөрүүлсэн амьдралын гашуун үнэнийг нээн гаргах гэсэн чин сэтгэлийн дуудлагадаа хөтлөгдөн цөөн бус бүтээл туурвисаны нэг нь “Хойт насандаа учирна” /Эмгэнэлт роман/ роман юм/ [5, н. 46.]. (...писатель, лишь достигнув зрелости, отважился написать в открытую о своей сложной судьбе, оглянувшись с высоты своих лет на те трагические перипетии, испытания, через которые прошел сам, и таким редким произведением на столь болезненную для него тему является трагический роман «Встретимся в той жизни»). (здесь и далее подстрочный перевод наш — Л. Х.).

Лирическое, поэтическое начало, тонкий психологизм в прозе писателя затрагивает все уровни текста, проявляется и в авторском повествовании, и в речи персонажей, сюжете и композиции, образном строем произведения, средствах выразительности.

В одном из своих произведений «Город и человек» С. Эрдэнэ пишет, что «последние годы читатели более всего интересуются интеллектуально-психологической прозой. Это и понятно: эстетические потребности современного образованного человека, вникающего в проблемы науки, техники и политики, не может удовлетворить традиционно-описательная литература. Современная городская цивилизация мало что оставляет от психологических установок арата-

скотовода. Быстрое крушение старых привычек, неудержимое проникновение интернациональных влияний меняют и обогащают духовный облик людей» [10, с. 5].

Остановимся более подробно на некоторых рассказах С. Эрдэнэ «Эхэ» (Мать), «Эрэ хүн» (Мужчина) «Амидаралай нургуули» (Школа жизни), написанный от первого лица, автора-повествователя и героя-повествователя. Автор-повествователь — «тот, кто сообщает читателю о событиях и поступках персонажей, фиксирует ход времени, изображает облик действующих лиц и обстановку действия, анализирует внутреннее состояние героя и мотивы его поведения, характеризует его человеческий тип, не будучи при этом ни участником событий, ни — объектом изображения для кого-либо из персонажей» [7, с. 238]. Исследователи отмечают, что «одна из первых задач автора — заставить читателя поверить в то, что он изображает» [4, с. 66]. Именно для решения этой задачи появляется герой-повествователь.

В рассказе «Эхэ» (Мать) С. Эрдэнэ мы узнаем о случайной встрече автора-повествователя с необычной женщиной с маленьким ребенком на берегу реки, которая ему пересказывает историю своей жизни. С первого взгляда автора поражает ее внешний облик, вроде бы молодая женщина, но чересчур болезненного вида: «Хиртайжса хонхойшионон томо хара нюдэниинь хуурай болоод, түгшүүртэйгөөр шэртэжээ, туранхай хасарын нимгэн сагаан арханай саана шуна тунанан хухэ нудалнууд модоной мушэр мэтэ налаатана. Боро нэбхэ тогтонон ургэн магнай руунь унжсанан шэнгэхэн үнэн налхинда эрбэгэнэжээ, булаанин шэргэшишэн тэнхээгүй нариихан гарайнгаа ута хургануудаар газар тулана...» [Эрдэнэ, н. 55]. (Она смотрела глубоко ввалившимися черными глазами, ее взгляд был иссущен болью и страданиями, под бледной тонкой кожей щек виднелись узоры ее вен, похожих на ветви деревьев. На синеватого оттенка ее высокий лоб окаймляя тонкая прядь волос, которая колыхалась на ветру. Она сидела, опершись тонкими, лишенными плоти руками с длинными тонкими пальцами...).

Однако она счастливо улыбалась, глядя на своего трехлетнего сына, который играл рядом и время от времени подбегал, чтобы задать какой-нибудь вопрос. Оказалось, что эта женщина многое пережила в своей жизни, чтобы стать матерью этого ребенка. Автор-повествователь сочувствует ее испытаниям и несчастьям, любуется нерастраченными силами и преждевременно увядшей ее красотой, восхищается ею, как настоящей матерью, беззаветно любящей свое дитя.

Следует сказать, что монголоязычные народы с древнейших времен стремились иметь как можно больше детей, и самыми распространенными благопожеланиями — «куреэлами» были: «иметь сыновей, чтобы продолжить отцовский род, иметь дочерей, чтобы замуж выдавать», и т. д. В данном рассказе героиня выполнила свой материнский долг, подарив жизнь маленькому сыну, которого она боготворит.

У монголов дети до восьми лет считались божественными детьми, нельзя было их ругать, тем более бить, не проносить над головой ребенка что-либо нечистое, не оставлять на ночь на улице одежду ребенка, не пугать и т. д. Дети символизируют будущее семьи, будущее народа, этноса. Отсутствие или наличие детей у бурят во многом определили отношение к женщине и в семье, и в обществе. «Бездетность рассматривалась не только как беда супругов, но и беда всей

семьи, всего родственного коллектива. Поэтому у бурят существовали различные поверья, магические обряды и приемы, к которым прибегали для избавления от этого несчастья» [3, с. 99].

Нерожавшая женщина в бурятской традиции рассматривалась как грешница, считалась воплощением злого, дурного начала: «верили, что ее ругательства, проклятия (*хараал*) могут сбыться, так как слова, произнесенные в гневе, якобы обладают особой магической силой, а поэтому боялись с такими женщинами связываться, разгневить их» [1, с. 55].

Проблема бездетности существовала с глубокой древности и нашла отражение в религиозно-обрядовой практике бурят. «За длительный исторический период накопилось большое количество сакральных методов устранения бездетности, — пишет Д. Батоева — Выделяются следующие раздельные сакральные локусы и атрибуты: дерево, очаг, гора/пещера» [2, с. 110].

Героиня рассказа С. Эрдэнэ прошла через многое, чтобы стать матерью, обращалась и к духам, и к богам. Ей было противопоказано иметь детей, двоих старших она уже потеряла, однако это ее не сломило. Огромное желание стать матерью победило в ней ее болезнь, и вопреки всем медицинским показаниям она стала ею: «*Би энэ юртэмсэдэ хүүгэд шэнги найхан юумэн байхагуй гэжэ үргэлжэ бододог... Минии хубуун намайе үхэлнөөт аbaraан гэжэ бододогби...*» [Эрдэнэ, с.58]. (Я думаю, что нет ничего прекраснее на свете, чем дети... Я уверена, что это мой сын спас меня от смерти...). Из рассказа героини мы узнаем о ней, что она была неутомимой труженицей, которая не боялась любой тяжелой работы, стойким и сильным духом человеком, перенесшим горе и страдания, удивительно доброй и искренней женщиной, для которой счастье заключалось в материнстве, в безграничной любви к своему ребенку. В этом и кроется авторская позиция.

С. Эрдэнэ в другом рассказе «Эрэ хүн» (Мужчина) обращается к детским годам своего героя Баярхуу, от лица которого идет повествование. Прием ретроспективы дает возможность читателю оказаться в далеком детстве героя-повествователя, когда, оставшись без отца, мальчик в одночасье становится мужчиной, опорой своей семьи, помощником мамы. Летом, во время сенокоса, девятилетний мальчик-мужчина, наравне со взрослыми идет заготавливать сено для скота, поскольку все мужские обязанности ложатся на его хрупкие плечи.

Автора интересует процесс возмужания героя, несмотря на его возраст, осознания своей роли в семье. Баярхуу начинает понимать всю меру ответственности за мать, за хозяйство, слишком рано он взрослеет. Однако через какое-то время он должен был уехать из дома, чтобы поступить в школу. Мальчик не хочет оставлять свою мать одну, несмотря на ее заверения в том, что она справится с хозяйством. Герой-повествователь вспоминает, как тяжело ему было покидать свой родной дом и ехать в далекий край на учебу: «*Убэлжсоён зуналан хоёрой хондо богонихон замаа анха удаа орхижо, захын дабаанай оройдо гараад эрьејэ харабаб. Убнэн отогоймнай хажсуунаа хүхэ утаан сэхэ өөдөөт нуунагтана. Эжымни сайгаа шанаад байна гэжэ наанаадаа сэдыхэлни уярба. Гэр ороноо абалса ябанан ганса эрын ёлоор, уйлахагүйе хэшээжэ, дахин гэдэргээ эрьејэ харабагуйб. Тэсэжэ, шүдөө хам зуугаад, замаа үргэлжэлүүлбэб. Ишигэжэ би аллас холын замда анха түрүүшүнхиээ гаранаан хум. Эрэ хүнэй замай хузуун ута гэдэг ехэ унэн угэ юм шуу*» [6, с. 64]. (Впервые покидая до боли знакомый путь,

простиравшийся от зимника до летника, я оглянулся назад уже с вершины ближайшей сопки и увидел синий дымок, курившийся вблизи нашего летника. Сердце защемило, я понял, мать приготовила чай. Слезы сами по себе наворачивались на глаза, однако, вспомнив о том, что я единственный мужчина в семье, я не стал больше оглядываться назад. Стиснув зубы, я продолжил свой путь. Так началась моя дорога в большую жизнь. Правду говорят, что путь мужчины очень долгий). Обратим внимание на этот эпизод — в нем, по сути, расшифрован один из часто встречающихся в творчестве С. Эрдэнэ мотивов — мотив дороги. Дорога в художественном мире писателя — движение, обновление, это и есть жизненный путь человека. Этой дорогой жизни ведет писатель своих героев.

«Амидарай нургуули» (Школа жизни) — рассказ С. Эрдэнэ посвящен истории жизни человека, который в молодости совершил множество ошибок, бросил свою семью, жену и маленькую дочь, опустился на самое дно жизни, однако нашел силы выбраться оттуда. Через воспоминания старика Жамбала, человека обыкновенного, грешного выясняется его личная трагедия. Он не смог найти силы подать руку помощи своей жене, когда она заболела. Слишком поздно он осознает, что семья, его близкие — это и есть смысл его жизни. Герой не может себя простить, его мучает чувство вины за малодушие. Щемящая душевная боль не дает покоя герою.

Этот небольшой рассказ выдвинул перед читателем ряд важнейших нравственных вопросов, связанных с главными человеческими ценностями. Произведение говорит о жизни и ее смысле, о любви и предательстве, о связи с близкими и гибельности отрыва от них. Глубокий и емкий смысл заключен и в названии рассказа — Школа жизни. Герой рассказа — Жамбал аха проходит трагическую школу жизни, теряет самое дорогое — семью, однако финал рассказа вселяет надежду на то, что он найдет свою единственную дочь.

Попытка С. Эрдэнэ художественно соединить в своих рассказах юность и старость, прошлое и будущее — утверждение идей преемственности, духовной связи поколений; ведь будущее, по мысли автора, немыслимо без памяти о прошлом, без опоры на его лучшие традиции. Трагическое непонимание разделяет часто и разные поколения. Нормы, ценности, жизненный уклад старшего поколения разительно отличаются от духовного облика и образа жизни молодого поколения. Так заведено испокон веков, и никто не в силах изменить этого. Вероятно, одиночество старых людей тоже входит «неизменной составляющей» в естественный процесс смены поколений.

Постоянно присутствующий в рассказах С. Эрдэнэ образ повествователя, автобиографический герой, позволяет прояснить сложную проблематику произведений, расставить акценты, наметить пути к поискам правды жизни и духовным ценностям народа. Этому способствует язык, особая лирическая манера повествования.

Таким образом, в рассказах С. Эрдэнэ мы наблюдаем, как автор с большой убедительностью и глубоким лиризмом раскрывает очень важные в бурят-монгольском менталитете культивальной жизни в лице ребенка, образ матери, роль мужчины, идеи дома, очага, семьи.

Литература

1. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЯЗЫК. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА 2019. Вып. 1

2. Батоева Д. Гора в обряде «испрашивания» сулдэ ребенка //Традиции и инновации в этнической культуре бурят. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 1999. 152 с.
3. История и культура бурятского народа / под ред. Т. М. Михайлова. Улан-Удэ: Бэлиг, 1999.
4. Огнев А. В. О поэтике современного русского рассказа. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. 218 с.
5. Одмандах М. С. Эрдэнийн бүтээлд буриад зоны ахуй амьдрал туссан нь // Буриад судлал. Улаанбаатар, 2016, 46 н.
6. Сэнгын Эрдэнэ / Сэдэнэй Намсарай. Сэргүн дуганай мүхэл / Ухэжэ болодоггүй оршолон. Улаан-Үдэ: Бальжинимаев А.Б., 2016. 176 н.
7. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко; Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 512 с.
8. Фролова И. В. Художественное осмысление семейного начала в литературе Бурятии (научная статья) Евразийский фронт: общее ментальное пространство в русской и монгольской культурах. Улан–Батор: Изд-во ШУТИС, 2006. С. 78–80.
9. Халхарова Л.Ц. Национальная картина мира в прозе Ч. Цыдендамбаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. 132 с.
10. Ярославцев Г. Избранные произведения писателей Дальнего Востока. М.: Худож. лит., 1981.

FAMILY VALUES IN PROSE BY S. ERDENE

© Larisa Ts. Khalkharova

associate professor, department of Buryat and Evenki philology
Dorzh Banzarov Buryat State University, candidate of philological sciences
4 Ranzhurova Str., Ulan-Ude 670000, Russia
E-mail: larihalh@yandex.ru

The article is a study of family values based on the creative work of the Mongolian buryat writer S. Erdene. The author argues that in preserving historical memory a large role is played by the family, race, carriers and custodians of the traditional spiritual values of the people. In the stories of S. Erdene, written in the first person, “Ehe” (Mother), “Ere hyn” (Man), “Amidaralay hurguuli” (School of Life), the images of the mother — the keeper of the hearth, the cult of the child — are revealed in the writer's world of art the origins of the formation of a man as head of the family, a successor of the race. The image of the narrator, which is constantly present in S. Erdene's stories, makes it possible to clarify the complex problems of the works, lends it a special lyricism. The article concludes that the writer, based on national traditions, argues in his works that family and children are the highest value in the Buryat-Mongolian tradition.

Keywords: Buryat Mongolian literature; traditional values; family theme; child's cult; narrator.